

Кудрявцев Демьян
(поэт)

28.09.02

Поэт лирической пустыни

Демьян Кудрявцев.
Практика русского стиха.
Независимая газета. 2002

Нав-и-бессия
2002 Константин КЕДРОВ,
28 сент. «Новые Известия»
С. 7

Новый век и его поэзия все больше сливаются с компьютером. Поэты учатся говорить уже не телеграфным, а файловым языком. Информация шифруется где-то в глубинах подсознания и выходит на смысловую поверхность в виде компьютерных иероглифов.

У Демьяна Кудрявцева своя поэтическая грамматика, не признающая архаично плавного скольжения мысли. Каждая строка перескок в другой смысл или даже в поэтическую бессмыслицу.

Я свою субботнюю девицу//в белых скатертях реанимаций//доведу до моря удивиться//и верну обратно обниматься.

Такова его субботняя муза в диапазоне от моря до объятий, хотя море тоже обнимает, а в объятиях можно и нужно тонуть, как в море.

Печаль и неподдельный трагизм бытия — два основных мотива поэзии Кудрявцева. Он не говорит о печали — он говорит печалью:

Хотя далась мне ваша милость//в такие дали посылать гонца//не то чтоб сын мой вырос без отца//а просто никогда не вырос.

У этой поэзии большая наработанная традиция. Перед нами несомненный продолжатель и последователь Геннадия Айги. Минимализм Айги здесь погружен в библейский зной и обогащен пустыней.

Ничто не лечит так как в//Междуречье//растущие огнем кусты.

Мотив, знакомый до боли. Моисей в пустыне перед горящим кустом, откуда доносится голос Бога. Моисей XXI века уже не проповедует и не слышит никаких голосов. Огненные кусты его просто лечат, напоминая о чем-то большем, чем он.

Уже давно длится этот спор о поэзии. Одни хотят превратить стих в изящную словесность, в филологическую игру. Другие напоминают, что поэт пишет спермой. Нет любви — нет поэзии. Несомненно, что сегодняшние поэты побаиваются прямой лексики, когда речь идет о чувстве. Лириком трудно притворяться. Им надо быть. Кудрявцев, конечно, лирик, но словами он не разбрасывается.

Я был в тебя влюблен//до крика//вопля//визга.

Стих возможен только в таком начертании. Признание, как обрыв. Язык повседневной речи становится все более чужим для поэтов. Они стремятся переосмыслить и переощутить каждое слово. Об инфляции слов говорили еще футуристы. Слова стали тусклыми, ничего не значащими, как стертые пятаки. Поэзия — это еще и постоянное обновление языка. Но не за счет новых слов, а благодаря неожиданному прочтению того, что давно привычно.

Есть повод умереть не на постели//а//на войне.

Как это трепетно и неожиданно сказано, хотя по мысли тут ничего нового и неожиданного.

Сейчас мода на анестезированную поэзию. Поэты прячутся в иронию. Так прячутся, что их уже не найдешь. Демьян Кудрявцев не боится крика и даже воя.

Где каждый звук удвоен во-ем//его//не разобрать.

Это похоже на звуки рога, трубящего в судный день.

У поэзии мало шансов на выживание в сегодняшнем мире. В этом смысле тираж сборника Кудрявцева рискованно велик по нынешним временам. Две тысячи. Легко перекричать толпу, но как перекричать тишину?

Петух орал//не переорать.

И все же мне кажется, что этот голос не затеряется в толпе, не заглухнет. Хотелось бы, чтобы не заглох.